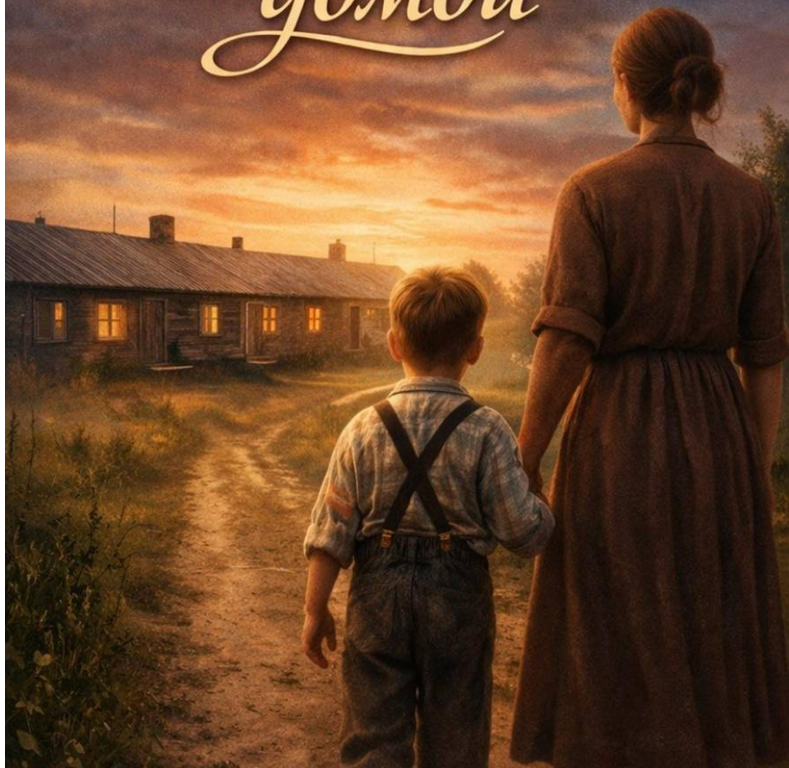

Валентин Петров

*Возвращение
домой*

Валентин Петров

Возвращение домой

<https://litres.ru/74183357>

SelfPub; 2026

Аннотация

По загадочному стечению обстоятельств герой возвращается в своё детство — в тело шестилетнего мальчика, но с памятью взрослого человека. Ему кажется, что судьба дала редкий шанс всё исправить: вытащить семью из нищеты, облегчить жизнь матери и спасти её от раннего ухода. Но каждая новая попытка приводит лишь к новым ошибкам, боли и гибели.

«Возвращение домой» — это история о памяти, вине, материнской любви и отчаянной попытке изменить то, что, возможно, уже предрешиено.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Валентин Петров

Возвращение домой

Глава 1

Глава 1. Мама

Иногда она приходит ко мне во сне.

Без предупреждения, без какой-то особой причины. Просто появляется — как будто никуда и не уходила. Я не удивляюсь, не пугаюсь. Во сне всё кажется естественным. Она рядом. Живая. Такая, какой я её помню — уставшая, но спокойная, с тем самым взглядом, в котором всегда было больше заботы о других, чем о себе.

Мы говорим. О чём — потом почти не вспомнить. Какие-то простые слова, бытовые вещи. Я что-то рассказываю ей, она слушает. Иногда кивает, иногда улыбается. И в эти моменты мне кажется, что всё по-прежнему на своих местах. Что ничего не произошло. Что жизнь не делилась на «до» и «после».

А потом я просыпаюсь.

И всегда есть короткий, почти неуловимый промежуток — несколько секунд, — когда я ещё не до конца понимаю, где нахожусь. В этот момент кажется: она где-то рядом. На кухне. В соседней комнате. Сейчас я встану, пройду — и уви-

жу её.

Но этого не происходит.

Комната остаётся тихой. Утро — обычным. Жизнь — той самой, в которой её уже нет.

Мама умерла рано. Ей было всего 63 года. Мне тогда было 32. Тогда я не до конца понял, что потерял. Возможно, потому, что мама долго и тяжело болела, и мысль о том, что однажды её не станет, уже жила рядом с нами.

Когда я смотрел на неё в последний раз, во мне не было того острого чувства, которого, наверное, ждут в такие моменты. Словно самое важное уже произошло раньше. Словно человек, которого я знал, ушёл ещё до того, как остановилось его сердце.

Я тогда думал, что справился.

Прошли годы, и я понял, что это было не так.

Я живу обычной жизнью. Работа, дела, встречи. Я юрист. У меня есть семья — жена, ребёнок. Всё устроено. Всё, как принято говорить, хорошо. У меня есть то, к чему многие стремятся: стабильность, порядок, понятный завтрашний день.

Но иногда — вот так, без причины — она снова возвращается.

В воспоминаниях. В случайных мыслях. В коротких, почти незаметных вещах: в запахе, в слове, в интонации чужого голоса. И особенно — во сне.

С каждым годом я всё чаще думаю о ней не как о про-

шлом, а как о чём-то незавершённом. Как будто остался разговор, который я не успел договорить. Как будто есть вещи, которые я должен был сделать, но не сделал.

Я всё чаще представляю её рядом. Не так, как это бывает в воспоминаниях, — а почти по-настоящему. Думаю, что бы я сказал ей сейчас. Как бы помог. Как бы попытался хоть немного облегчить ту жизнь, которую она прожила.

Отец умер рано — в 39 лет. Она осталась одна с пятью детьми. Четверо сыновей и дочь. Помощи ждать было неоткуда. Она тянула всё сама. Работала с утра до вечера. Несла на себе дом, нас, заботы, страхи, усталость. И при этом никогда не жаловалась.

Тогда мне казалось, что это в порядке вещей.

Теперь я понимаю, что это не должно было быть так.

С годами это чувство стало только сильнее. Не как острая боль — скорее как постоянное, тихое давление внутри. Осознание того, что ты что-то не успел. Не додал. Не понял вовремя.

Иногда я ловлю себя на мысли: а что, если бы был шанс всё изменить?

Не свою жизнь. Не ошибки, которые касаются только меня. А её. Её судьбу. Её усталость. Её последние годы.

Что, если бы можно было вернуться назад?

Не на день, не на час — а по-настоящему. Туда, где всё только начинается. Где ещё ничего не потеряно. Где ещё можно что-то исправить.

Я не знаю, откуда появляются такие мысли. Может быть, это просто попытка договориться с самим собой. Может быть — способ не чувствовать вину.

А может быть, это просто память, которая не хочет отпустить.

Но иногда эти мысли становятся слишком настойчивыми. И в такие моменты мне кажется, что, если бы у меня действительно был шанс — хотя бы один, невозможный, нелепый шанс — я бы сделал всё, чтобы она не ушла так рано.

Всё. Даже если бы пришлось прожить свою жизнь заново. С тех пор это чувство не отпускает меня: будто где-то в прошлом осталась дверь, которую я однажды не успел открыть.

* * *

С детства у меня были проблемы с сердцем и мучали сильные головные боли. Но если происхождение головных болей я хоть как-то мог себе объяснить — частыми падениями, ударами и другими детскими травмами, после которых моей голове доставалось, пожалуй, чаще, чем следовало бы, — то с сердцем всё оставалось туманным. Я рос в небольшом посёлке, где медицина была, мягко говоря, не на высоком уровне. Это было советское время: ни специалистов, ни оборудования, способных толком разобраться в сердечных болезнях, там попросту не было. Поэтому ни сама болезнь, ни причины её возникновения в детстве для меня так и не

были по-настоящему выяснены. Всё лечение, по сути, сводилось скорее к профилактике. Я почему-то особенно хорошо запомнил слова врача-педиатра:

— Тебе нужно больше есть печёную картошку. С кожурой.

Почему я до сих пор это помню?

Позже, уже ближе к пятидесяти, к этому добавились ещё и проблемы с давлением. Что-то, возможно, было приобретённым, но многое, как мне кажется, досталось мне по наследству от мамы.

Конечно, я старался следить за собой: бегал, пытался правильно питаться, не злоупотреблял алкоголем. Но проблемы никуда не уходили, и сегодня мы пришли в поликлинику на ежегодное медицинское обследование.

Всё проходило довольно стандартно пока я не встал на тредмил.

Бег сам по себе меня не пугал. Три-четыре километра без остановки я мог пробежать и раньше, поэтому в тредмил-тесте не видел ничего запредельного. Во время самой нагрузки со мной всё было в порядке. Скорость, конечно, постепенно увеличивали, и этот темп был не совсем моим — я всегда предпочитал бег ровный, спокойный, без лишней резкости. Но сказать, что я уже тогда чувствовал себя плохо или что сердце не справлялось, было бы неправдой. Нет, держался я нормально. Всё изменилось потом, когда, удовлетворившись показаниями приборов, медсестра — или, может быть,

практикантка — почти сразу остановила беговую дорожку, не дав мне спокойно перейти на шаг и восстановить дыхание. Именно после этого меня и повело.

Я сошёл с дорожки, вышел из кабинета, сел в кресло напротив — и почти сразу понял, что меня куда-то уносит. Пространство дрогнуло, стены поплыли, и вслед за ними поплыл я сам.

Меня спасло что рядом со мной была моя жена. И теперь вокруг меня суется врачи и медсёстры — встревоженные, взбудораженные, напряжённые. Сейчас мне пытаются поставить уже вторую систему, а я куда-то уплываю.

Сознание медленно гаснет. Кажется, мне просто хочется спать. Мне хорошо и спокойно. И даже немного смешно: почему люди вокруг меня там суется.

Не знаю, сколько прошло времени. Час? Два? А может, целая ночь? Что сейчас — день или уже вечер?

Тишина.

Рядом никого.

Почему так щекотно глазам?

Я поднимаю руку и дотрагиваюсь до лица. На глазах повязка.

Бинты? Почему?

Почему так сильно пахнет йодом? И откуда эта тяжесть в голове? Разве после скачка давления должна так болеть голова? Почему такое ощущение, будто меня ударили чем-то тяжёлым — молотком или кирпичом?

И ещё этот запах.

Слабый, далёкий, едва уловимый. Но знакомый.

До боли знакомый.

Я пытаюсь понять, откуда его знаю, и вдруг меня словно пронзает догадка.

Это запах из детства.

Так мама готовила рыбу.

Минтай в сметанном соусе.

Сколько раз потом я пытался повторить этот рецепт — и ни разу не смог. Самое главное там было даже не в рыбе, а в соусе. В этом густом, горячем, сливочно-сметанном соусе, в который мы макали хлеб, когда рыба уже была съедена. Я пробовал по-всякому, менял пропорции, добавлял то одно, то другое — всё было не то. Тот самый вкус исчез вместе с ней.

Почему я не спросил у мамы, как она это готовила, пока она была жива?

Где все?

Где жена?

Где медсёстры, врачи?

Я лежал неподвижно, стараясь понять, что со мной происходит.

Что-то было не так.

Не боль — к ней я уже начал привыкать. Другое.

Я опять поднял руку и медленно провёл по лицу, по повязке. Рука показалась странно лёгкой. Слишком лёгкой.

Я замер.

Пальцами правой руки я провёл по кисти и по пальцам левой. Осторожно, словно проверяя себя. Затем ещё раз — уже внимательнее. Потрогал каждый палец, сжал ладонь.

И в этот момент понял: это было невероятно, но они стали меньше.

Я повторил движение, будто надеясь, что ошибся.

Но нет.

Руки были другими.

Точно меньше.

Я осторожно пошевелил ногами. Сначала едва заметно, потом чуть сильнее. Согнул их в коленях.

И снова это странное ощущение.

Они были легче.

И короче.

Я замер, прислушиваясь к себе, словно боялся сделать лишнее движение.

Я коснулся груди — и это ощущение только усилилось. Тело не отзывалось так, как должно было. В нём не было привычной тяжести. Оно казалось чужим. Слишком лёгким. Неправильным.

Я глубже вдохнул.

Дыхание было другим — более частым, поверхностным. Сердце билось быстрее, чем я привык.

Я пытаюсь приподняться, но почти ничего не вижу, и откидываюсь назад на кровать. Сквозь бинт пробивается свет

— значит, сейчас светло.

Но почему у меня на глазах бинты?

Что происходит?

И в этот момент до моего слуха донёлся звук — тихий, протяжный, знакомый.

Скрип.

Я замер, прислушиваясь, а потом осторожно напряг спину и чуть приподнялся — совсем немного — и тут же отпустил себя обратно.

Кровать мягко отозвалась подо мной.

Сначала едва заметно — потом глубже, с лёгким покачиванием.

И снова этот звук.

Скрип.

Я повторил движение — уже увереннее. Чуть повёл плечами, дал телу небольшой толчок.

Пружины.

Сомнений не осталось.

Кровать была пружинной.

Я почувствовал это спиной, всем телом — как она слегка прогнулась подо мной, как отозвалась этим старым, забытым скрипом.

Я не спал на таких кроватях уже лет тридцать, если не больше.

Откуда она здесь? В частную поликлинику куда мы с женой пришли для обследования точно нет таких кроватей. Ку-

да меня перевезли?

— Лежи, лежи. Не вставай.

От этого голоса меня будто ударяет током.

Нет.

Этого не может быть.

Я знаю этот голос.

Я слишком хорошо его знаю.

Это голос мамы.

Как?

Я что, брежу?

Или... я умер?

Где я?

— Лежи, лежи. Врачи сказали, тебе нужно полежать. Зачем ты пошёл в сад вслед за братьями? Они у меня ещё получают за это.

Я буквально вжался в кровать.

Сердце заколотилось с частотой работы автомата Калашникова.

Нет. Это невозможно. Дыхание окончательно сбилось.

Секунда — и меня будто бросило в жар. Лоб под повязкой мгновенно вспотел, по вискам потекло тепло. Я сглотнул, но во рту было сухо.

Нет. Нет, этого не может быть.

Я напрягся, словно пытаюсь удержать себя в реальности.

Это просто голос. Похожий.

Память сыграла со мной злую шутку... Голова после удара

вот и всё.

Какого удара? Я ничего не помню. Я же был на обследовании. Точно помню, что мне стало плохо после тредмила.

Я попытался вдохнуть глубже — не получилось. Воздух шёл рывками. Сердце колотилось быстрее, чем должно было. Слишком быстро.

Меня вдруг передёрнуло — как будто холод прошёл по спине.

Сжав зубы, я пытался собраться с мыслями и понять, что со мной происходит. Этого не могло быть. Она умерла двадцать лет назад, а тот день слишком ясно врезался в память, чтобы ошибиться или принять одно за другое.

Сознание лихорадочно искало объяснение, цепляясь за самое простое и понятное: больница, лекарства, бред, галлюцинации. Да, скорее всего, так и есть. Другого объяснения просто не существовало.

Неподвижно лежа на кровати, я боялся даже шевельнуться, словно одно-единственное движение могло подтвердить, что всё это происходит на самом деле.

Глава 2. Мне снова шесть лет

Прошло минут пять. А может, десять.

Я по-прежнему, лежал скованный накрывшей меня оторпью. Но внутри всё горело. Мысли метались, сталкивались друг с другом, ломались одна о другую. Я пытался понять, что происходит. Перебирал в голове одно объяснение за дру-

гим, и каждое казалось либо нелепым, либо слишком страшным.

Наконец, пересилив и страх, и стыд — страх услышать ответ, стыд быть уличенным в безумии, — я всё-таки подал голос:

— Мам...

Что заставляло меня произнести это слово, не вылетавшее из моих уст более двадцати лет? Желание чуда? Любопытство? Не знаю.

Тишина.

Я сглотнул и позвал чуть громче:

— Мам!

Почти сразу послышались шаги.

Кто-то шёл ко мне.

И уже по этим шагам я понял: это не палата. Не больничный коридор. Не тот стерильный, пустой звук, который бывает в поликлиниках и больницах. Здесь шаги звучали иначе — глуше, ближе, по-домашнему. Так ходят в квартире.

Сердце снова сорвалось с привычного ритма.

— Что, сынок?

Этот голос. Опять он. Тот самый. Мамин.

У меня внутри всё похолодело.

Нет, это невозможно.

Она умерла. Я это знаю. Я это помню.

Значит... что?

Значит, умер и я?

Преодолевая волнение, я с трудом выдавил из себя:

— Мам... что случилось?

На мгновение повисла пауза, а потом в её голосе послышалось удивление, смешанное с тревогой:

— Ты что, не помнишь? Неужели удар был такой сильный? Тебя что, память отшибло?

Она вздохнула и заговорила уже быстрее, как человек, который сам ещё не до конца отошёл от испуга:

— Ты же со своими братьями пошёл в сад яблоки собирать. Сережка с Вовкой залезли на яблоню и зачем-то потащили ведро за собой, вместо того чтобы оставить его на земле. Там, наверху, повесили его на тонкую ветку. Ну разве так можно? Как только яблок набралось побольше, ветка не выдержала, и ведро рухнуло тебе прямо на голову. Господи, какой это был кошмар... Столько крови я ещё никогда не видел. Ты так нас напугал.

Я слушал её и чувствовал, как внутри у меня всё медленно проваливается куда-то вниз.

Сад. Братья. Ведро с яблоками.

Каждое её слово било точно в память, в ту её часть, которую невозможно придумать во сне или в бреду.

Да, я помнил тот случай с яблоками.

Скоро этой истории будет уже полвека.

Тогда старшие братья пошли в сад собирать яблоки, прихватив с собой большое эмалированное ведро — литров на десять, а может, и на двенадцать. Я, конечно, увязался за

ними, хотя по малолетству на дерево залезть не мог. Так и крутился внизу — бегал вокруг яблони, как тот Пятачок из мультфильма, и без конца спрашивал:

— Ну что, уже всё? Уже всё?

И докрутился.

Помню, как приехала скорая. Помню повязку на голове. Помню испуганное лицо мамы. Папа, как всегда, был на работе. Но вот чтобы повязка была ещё и на глазах — этого я не помнил.

Столько лет прошло, а тот день до сих пор стоит передо мной с такой ясностью, будто всё случилось только вчера. И шрам. Хотя их не мало у меня на голове.

Тогда братьям сильно влетело. Да и было за что — это ж надо было додуматься: тащить ведро на дерево и вешать его на ветку. Впрочем, что с них было взять? Серёжке тогда было лет одиннадцать или двенадцать, Володьке — девять.

А мне...

Мне было, кажется, пять...

Нет.

Шесть.

Да, точно — шесть.

Я похолодел.

Стоп.

Мне что сейчас шесть лет?..

Собравшись с силами, я спросил:

— А почему... повязка на глазах?

Вопрос вырвался сам собой, и мог показаться странным для шестилетнего мальчика.

Она слегка помедлила.

— Не знаю, сынок. Доктор сказал, что так будет лучше. Будешь лежать спокойно. Иначе ты сейчас же вскочишь и снова куда-нибудь побежишь.

Пересилив свой страх, я наконец решился.

— Мам, можно я уберу повязку с глаз?

Для пятидесятидвухлетнего мужчины такой вопрос звучал почти нелепо. Но для шестилетнего мальчика он был совершенно естественным. Похоже, само это детское тело уже начинало влиять на меня: на мои реакции, на интонации, на привычку снова спрашивать разрешения на самые простые вещи.

«Это надо запомнить, — подумал я. — Надо иметь это в виду. Неизвестно, сколько мне ещё жить в этом теле и в этом возрасте».

Мама немного помолчала, потом ответила:

— Хорошо, сынок. Только обещай, что останешься в кровати.

— Да, да, обещаю. Мне просто очень страшно ничего не видеть.

И тут произошло то, к чему я совершенно не был готов.

Я думал, что сам осторожно приподниму край повязки, освобожу глаза, и хоть немного увижу, где я и что со мной. Но вместо этого, моего лица коснулись другие руки. Теплые,

слегка шершавые...

В тот же миг всё внутри меня оборвалось.

Я не знаю, как это объяснить. Не знаю, какими словами передать это чувство. Но я узнал это прикосновение сразу.

Мгновенно.

Без тени сомнения.

Да, это были мамины руки.

Их нельзя было спутать ни с чьими другими. Наверное, никто и никогда не спутает прикосновение матери: такое мягкое, доброе и заботливое.

Ты просто знаешь: это она.

Это её руки.

Глаза тут же наполнились слезами.

Я, пугаясь от мысли, что сейчас увижу, медленно открыл глаза.

Свет ударил сразу, резанул, и на секунду всё расплылось. Я моргнул, пытаюсь поймать изображение, и в этот момент увидел её.

Я замер.

Воздух как будто остановился где-то в груди. Я просто не мог дышать.

Передо мной стояла мама. Моя мама.

Живая. Молодая. Не та, которую я помнил в последние годы, не измученная болезнью женщина, которую я проводил в последний путь, — а совсем другая. Лёгкая, стройная, даже хрупкая. Лицо с правильными, утонченными чертами.

И глаза. Тёмные, почти чёрные. Глубокие. Такие, в которые нельзя было просто посмотреть и тут же отвести взгляд. Они словно удерживали на себе, не отпускали. В них были и внимание, и спокойствие, и какая-то внутренняя собранность, и жизнь — та самая жизнь, которую я уже давно перестал видеть в её глазах в последние годы.

Почему я раньше не замечал какие у неё были глаза?

Из-под платка-косынки, которую она всегда носила дома, особенно когда готовила, выбивались пряди — живые, упругие, тёмные. Совсем не те, какими я запомнил их позже: редкие, с проседью, с той печатью усталости, которую неизбежно оставляют годы.

Я вдруг вспомнил, как однажды кто-то сказал о ней:

«Она похожа на француженку. Такая хрупкая и интеллигентная».

Тогда я не придал этим словам особого значения.

А сейчас вдруг понял, что имела в виду та женщина.

Дело было не только во внешности. Не только в тонких, правильных чертах лица. В маме действительно было что-то особенное: хрупкость, сдержанность, тактичность, какая-то врождённая деликатность в манере держаться и говорить.

Это не создаётся нарочно.

Это просто есть в человеке.

Я смотрел и не мог отвести взгляд.

Потому что это была она.

Моя мама.

И от этого становилось не легче — наоборот.

Тяжелее.

Потому что этого не могло быть. Двадцать лет назад я стоял у её гроба.

Я помнил это.

Помнил слишком хорошо.

А сейчас она стояла передо мной. Рядом. Так близко, что можно было дотронуться.

У меня внутри всё сжалось.

Не от радости — от страха. Почти паника.

Потому что это не могло быть правдой.

Я смотрел на неё, жадно, будто боялся, что она исчезнет, если я моргну.

Увидев слёзы у меня на глазах, мама удивлённо спросила:
— Ты почему плачешь?

Я не нашёл ничего лучше, чем соврать, хотя это была лишь половина неправды.

— Голова болит.

Мама тяжело вздохнула.

— Ну, потерпи немного. Скоро, наверное, отпустит. Хочешь, я дам тебе таблетку?

— Нет, нет, нет, — я быстро замотал головой.

Она слегка рассмеялась.

— Боишься, что она горькая?

— Нет. Просто я не хочу таблетку. Спасибо, мама.

Мне до боли хотелось дотронуться до неё — схватить за

руку, сжать её ладонь в своей, сказать, как тяжело мне было без неё, как сильно я скучал, как часто думал о ней все эти годы. Хотелось признаться, как поздно я понял многое из того, чего раньше не видел и не понимал. Как хотел бы теперь всё исправить — сделать то, что не сделал, сказать то, что не сказал. Но вместо этого я лежал и безмолвно смотрел на неё глазами, полными слёз.

Она будто хотела мне что-то сказать еще, словно почувствовала то, что творится у меня на душе, но постояв возле меня ещё минуту, тихо повернулась и ушла на кухню, откуда тянуло запахом готовящегося обеда.

Глава 3. Начать с начала

Мои мама и папа познакомились в конце шестидесятых годов в Башкирии. Туда папа попал по распределению после окончания Куйбышевского политехнического института — в то время, в Башкирии шли серьёзные геологоразведочные и буровые работы: искали и добывали нефть и газ.

Мама родом из небольшого городка Белебей. Окончила музыкальное училище и до рождения первого ребенка работала в детском саду.

В браке у них родилось пятеро детей, я был четвёртым.

Мы жили в небольшом нефтяном посёлке. Отец работал главным механиком на крупном нефтяном предприятии. Должность у него была заметная: нашей семье полагался отдельный коттедж со всеми благами цивилизации — с ван-

ной, туалетом, — что для таких посёлков в то время было большой редкостью. В целом мы жили неплохо.

Но не всё было так просто.

Родители отца жили в городе Куйбышев. Они были людьми обеспеченными — «с положением», и выбор сына им явно не пришёлся по душе. Моя мама казалась им человеком не их круга, не их среды, или, как тогда говорили, — не одного поля ягоды. По-настоящему они её так и не приняли, и потому виделись мы с ними крайне редко. У мамы своих родителей уже не осталось. Поэтому, той настоящей теплоты, той любви со стороны бабушки и дедушки, о которой многие потом вспоминают всю жизнь, у меня не было. Или, как говорит моя жена: «Ты не познал, что значит иметь бабушку и дедушку». И, тут я ней полностью согласен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.